

- ³² Там же.
³³ Там же, л. 17.
³⁴ Юрьев А.И. Указ. соч. С. 83–84.
³⁵ ЦНИ ТО, ф. 1, оп. 2, д. 755, л. 2.
³⁶ Там же, д. 754, л. 28.
³⁷ ГАНИ СО, ф. 3, оп. 1, д. 1929, л. 1.
³⁸ Там же, л. 7.
³⁹ Там же, л. 8.
⁴⁰ Там же, л. 9–10.
⁴¹ ГА ТО, ф. Р-291, оп. 7, д. 70, л. 461.
⁴² Там же.
⁴³ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1260, л. 61.
⁴⁴ ЦАОПИМ, ф. 3, оп. 4, д. 49, л. 44.
⁴⁵ ГА ИО, ф. П-2, оп. 1, д. 1536, л. 421.
⁴⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. С. 114.
⁴⁷ ГА ВО, ф. 1, оп. 1, д. 1262, л. 98.
⁴⁸ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 4. Ч. 1. С. 44.
⁴⁹ Там же. Т. 2. С. 182.

© 2010 г. А.Ю. САРАН*

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ЧЕРНОЗЕМЬЕ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х годов: ОППОЗИЦИЯ И ПОВСТАНЧЕСТВО

Коммунистическая партия с начала 1920-х гг. являлась единственной легально существующей партией в СССР, ее руководящие органы вскоре стали, по сути, государственной структурой. В течение 1920-х гг. руководящие органы РКП(б)/ВКП(б) выполняли функции политического управления, но с началом форсированной индустриализации в годы I пятилетки, сплошной коллективизации в 1929–1933 гг. ЦК ВКП(б) и национальных компартий, обкомы и крайкомы, окружкомы и райкомы компартии все глубже внедрялись в сферу не только политического, но и оперативного управления экономикой, армией, социальной и культурной жизнью общества. В складывавшихся условиях любые другие организации, которые непосредственно занимались самостоятельной политической деятельностью, неизбежно выступали в качестве оппозиции ВКП(б). Источником кадров для создания оппозиционных групп служила сама компартия. Поскольку X съезд РКП(б) еще в 1921 г. запретил создание внутрипартийных фракций, а полное единомыслие в пределах крупной организации невозможно по причинам разнообразия интересов ее участников, то отклонение от «генеральной линии партии» часто приводило к созданию самостоятельных оппозиционных политических организаций. Так, в конце 1920-х гг. появились уже отколовшиеся или находящиеся на стадии вычленения из компартии организации троцкистов и мясниковцев. Другим путем генезиса оппозиционных организаций, существовавших на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР, была остаточная активность участников ликвидированных коммунистами политических партий. Наконец, третьим способом появления оппозиционных организаций являлась спонтанная политическая активность населения, как правило, связанная с конкретными политическими, социально-экономическими или идеологическими кампаниями властей.

Именно 1929–1933 гг. в истории СССР стали временем наиболее радикальных социально-экономических преобразований. Упразднение элементов рыночной экономики,

* Саран Александр Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент Орловского государственного аграрного университета.

которые в значительной степени определяли приоритеты развития страны в период нэпа, было связано не только с пересмотром отношений собственности, что само по себе крайне болезненно для вовлеченных в такие отношения людей, но и с широким использованием разных видов принуждения и репрессий, когда десятки миллионов жителей СССР сменили место жительства, сотни тысяч оказались в местах заключения, десятки тысяч были убиты и еще несколько миллионов умерли от голода. Все это формировало в широких общественных слоях негодование и протест, стремление к сопротивлению, вызывало мощное повстанческое движение, в ходе которого выкристаллизовывались повстанческие организации, как высшее проявление политической оппозиционности.

Если в хронологическом отношении рамки данной статьи в основном совпадают со временем сталинского «великого перелома», то в географическом плане она посвящена Центральному Черноземью – региону, которому при проведении крупных преобразований в стране по ряду параметров принадлежала особая роль. Примечательно, что в 1928 г. на основе объединения Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний в РСФСР была создана Центрально-Черноземная обл. (ЦЧО), расформированная лишь в 1934 г. Время ее существования совпадает с переломным этапом в истории всей страны.

Задача статьи состоит в рассмотрении существовавших в рамках ЦЧО оппозиционных организаций по концентрическому принципу – в порядке их удаления от власти (или открытого противостояния ей) по идеологическим параметрам и характеру деятельности, начиная с отколовшихся от правящей партии идейно родственных ВКП(б) объединений коммунистического толка и завершая организациями, ставившими задачу вооруженной борьбы с режимом. За пределами обзора в силу ограниченности объема журнальной статьи остается ряд организаций, носивших для политического спектра ЦЧО маргинальный характер и возникавших преимущественно в городах: сионисты, антисемиты, фашисты и др.

Оппозиционными политическими организациями, не входившими во властные структуры, следует считать группы *троцкистов*, которых с 1927 г. в массовом порядке исключали из рядов компартии. В течение 1928–1934 гг. такие группы существовали в Воронеже, Белгороде, Курске и Острогожске. Одной из форм их деятельности стало разбрасывание листовок с критикой властей¹. Троцкисты старались расширить ряды своих сторонников. Так, 18 мая 1930 г. партийная тройка ВКП(б) по ЦЧО рассматривала вопрос о члене партии Д.Е. Хохлове. Тот «получил от активного троцкиста Мищенко листовку “Завещание Ленина”»², прочитал и не доложил своему партийному руководству. Во время партийных чисток этот факт все-таки выяснился, и Хохлов был исключен из ВКП(б). Он все отрицал, подал апелляцию, однако партийный суд (тройка) счел его ненадежным коммунистом, потенциально способным примкнуть к троцкистам, и подтвердил факт исключения из компартии. Зимой 1928–1929 гг. была исключена из ВКП(б) группа из 5 воронежских троцкистов³. Они собирались для чтения работ и писем Л.Д. Троцкого, писали и распространяли листовки с критикой решений XV съезда ВКП(б) и Коминтерна, направленных против оппозиции. Кроме того, после января 1929 г. они требовали возвращения высланного из СССР Троцкого, ибо «Троцкий для партии ценнее многих»⁴, а также созыва чрезвычайного XVI съезда, на котором рассчитывали победить сталинцев в открытой борьбе. Еще одна группа воронежских троцкистов была исключена из ВКП(б) в 1930 г. В нее входили как сотрудники руководящих партийных органов (Воронежского окружкома, райкомов), так и рядовые коммунисты. Группа выпустила собственный манифест, а также, пользуясь техническими средствами нескольких окружкомов и райкомов компартии, печатала листовки. По мнению чекистов, именно этой группой по Воронежскому университету распространялись троцкистские частушки⁵. Протроцкистские настроения базировались, помимо интересов политических группировок в компартии, еще и на простой психологической инерции, ведь Троцкий совсем недавно был культовой фигурой, вождем революции. Например, в Мценске (Орловский округ ЦЧО) еще в 1928 г. одна из улиц носила имя этого опально-

го политика, уже находившегося к тому времени в алма-атинской ссылке⁶. Сами троцкисты все еще осознавали себя частью правящей партии. Это наглядно демонстрирует красочно описанный сотрудником ОГПУ эпизод провоза 27 харьковских троцкистов в ссылку через железнодорожную станцию Орел 21 февраля 1929 г. Прибыв на станцию, почти 3 десятка ссыльных в сопровождении всего одного чекиста направились в вокзальный ресторан. «Обедая в 1 классе», они «выкриками по адресу Советской власти и коммунистической партии: “Нас, ленинцев, фашисты гонят в ссылку”», обращали на себя внимание пассажиров. После обеда, выйдя на перрон, запели «Интернационал» и продолжили скандировать лозунги: «Долой угнетателей рабочего класса! Да здравствует Лев Давыдович Троцкий! Долой фашистов! Долой ГПУ! Да здравствует ЧеКа!»; «Нас, ленинцев, фашисты высылают! Боритесь с насильниками советской власти!». Судя по сообщению источника, со стороны рабочих местного депо и отдельных пассажиров в ответ звучали выкрики: «Долой троцкистов, предателей рабочего класса!» На что троцкисты чуть ли не хором кричали: «Шпик, сколько ты за это получил от ГПУ?» Во время отправления поезда троцкисты вывесили из окна вагона плакат с надписью: «За правильную ленинскую линию против Терлиндора»⁷. То ли харьковские троцкисты, то ли орловский чекист не были сильны в истории Французской революции, и поэтому исказили название месяца термидор, в который случился контрреволюционный переворот – свержение власти якобинцев 27 июля 1794 г.

Среди причин некоторого сочувствия населения троцкистам было недовольство политикой действующих властей. В сводке отдела ГПУ железнодорожной станции Елец от февраля 1929 г. приводятся слова начальника станции: «Троцкого за границу сослали, а он оттуда убежал, наши правители хотели смешать его с грязью, но они ошиблись: замарать такого человека... не с такими головами, как у наших правителей... только и знают, что строят социализм... а на то, что рабочие сидят без хлеба, меньше всего обращают внимания». Показателен и комментарий по этому поводу чекистского информатора: «Присутствующие были согласны». Не менее любопытен и вывод, сделанный на основе этой информации местным чекистским начальством: «Антисоветских выступлений не замечалось»⁸. Таким образом, можно заключить, что Троцкий воспринимался в то время как про-, а не антисоветская фигура не только населением, но и, по крайней мере, частью руководящего состава спецслужб. Несколько изменилось восприятие этого политического деятеля после того, как 20 февраля 1932 г. его лишили гражданства. Сторонники Троцкого и часть населения видели в нем ядро антисталинских сил. Рабочие одного из цехов орловского Завода им. Медведева во время совместного завтрака в конце апреля 1929 г. решили, что «глубокий и дальновидный политик Троцкий понял, что ничего не выйдет, эмигрировал, теперь за ним потянутся другие оппозиционеры и развяжут целую войну... будет переворот власти»⁹.

В борьбе с троцкистами использовались силы как партийного аппарата, так и органов ОГПУ¹⁰. По партийной линии применялся и такой метод репрессии, как выборочное исключение из ВКП(б). Так, в ноябре 1929 г. по решению партийных органов ЦЧО были исключены из партии 10 из 40 белгородских троцкистов¹¹. Аналогичная мера была применена и в отношении троцкистской группы из Острогожска¹². В 1931 г. по всей Воронежской обл. исключенные за троцкизм составляли 13,5% от общего количества покинувших ряды ВКП(б), в 1933 г. их доля несколько снизилась и составила 8,7% или 1 382 человека¹³. За время существования ЦЧО областному партийно-государственному руководству удалось нейтрализовать троцкистов, переведя их на нелегальное положение, заставив отречься от своих убеждений или удалив из рядов правящей партии. Репрессии против настоящих и мнимых троцкистов проводились последовательно и непрерывно в течение 1930-х гг. Так, в ноябре 1936 г. секретарь Воронежского обкома ВКП(б) Е.И. Рябинин докладывал об исключении из партии 410 троцкистов в ходе последней «чистки»¹⁴.

На рубеже 1920–1930-х гг. в ЦЧО сначала внутри местной организации ВКП(б), а потом и некоторое время за ее пределами, действовала группа *мясниковцев*, как называли последователей Г.И. Мясникова¹⁵. Им удалось создать временное организацион-

ное бюро ЦЧО под руководством Морозова¹⁶, Баранова и Белякова. Они вели работу по созданию ячеек из своих сторонников на местах. Мясниковцы, как и троцкисты, распространяли листовки, в которых содержались призывы к расширению демократии (в пользу свободы слова, печати, собраний, союзов и введения тайного голосования). Власти обвинялись ими в создании «строя господства бюрократии с однопартийной системой»¹⁷. Кроме того, мясниковцы издавали собственную газету «Рабочий путь к власти»¹⁸. Морозов выпустил 1 400 экземпляров листовки «Что было и что есть» и распространял ее по воронежским предприятиям¹⁹. Согласно данным ОГПУ, за 9 месяцев 1931 г., по всей стране в сельской местности было обнаружено (с учетом самодельных копий) 2 972 экземпляра этой листовки²⁰. Мясниковцы сочетали легальные и конспиративные методы деятельности. Они открыто выражали свои взгляды, вступали в дискуссии²¹. Но организационные собрания мясниковцев проводились нелегально. В частности, для участия в одном из подпольных собраний выезжал в Москву активный член местной группы Федоров. Из Москвы с ним передали в Воронеж типографскую краску²². За лидерами мясниковцев было установлено наружное наблюдение²³. Если в отношении троцкистов правящая в компартии группировка была непримирима, то с мясниковцами до известного времени допускалось нечто вроде полемики, хотя в ней со стороны представителей партаппарата имели место и очевидные передержки. Так, на обсуждении вопроса о мясниковцах в областной контрольной комиссии обкома ЦЧО партийный функционер О.Т. Галустян рассуждал следующим образом: «В листовке говорится “дойлой социал-бюрократический строй”, то есть долой Советскую власть, то есть, прямо – долой существующий Советский строй»²⁴. Не опровергая данное оппозиционерами определение режима, не пытаясь отрицать и его партийно-бюрократическую сущность, Галустян вместо этого приписывал мясниковцам намерения, которых те не имели. Но он верно почувствовал опасность, исходившую от оппозиционных лидеров: «Морозов организует вторую партию, хочет свергнуть ВКП(б)»²⁵. Характерно, однако, что на том же заседании член комиссии рабочий-коммунист Васильев по поводу выступления Галустяна заметил, что будь Морозов таким, каким его изобразил партийный функционер, «тогда бы он [был] белогвардеец, а он пролетарий-металлист»²⁶. Все участники группы мясниковцев были исключены из ВКП(б) в 1929 г., но через 5–6 месяцев стали каяться в своих партийных грехах, и в результате даже Морозову вернули партийный билет²⁷.

Группы *меньшевиков* (РСДРП) действовали в Воронеже в 1928 г. Они находились на учете у властей. Чекисты в обязательном порядке накапливали сведения обо всех выявленных действующих или бывших членах РСДРП и их организациях²⁸. Организации меньшевиков существовали и на промышленных предприятиях области, о чем сообщалось на пленуме обкома ВКП(б) ЦЧО, который проходил с 12 по 16 июня 1929 г.²⁹ Но в целом положение в ЦЧО соответствовало положению в других областях, где, как например на Ижевских заводах Вотской обл., на 15 тыс. работающих приходилось 29 меньшевиков (0.2%)³⁰. Члены РСДРП на территории ЦЧО к рубежу 1920–1930-х гг. от непосредственно политической деятельности отошли. Однако, с точки зрения правящей партии, на меньшевиках все еще лежало клеймо бывшего противостояния большевикам, которые на самом деле составляли весьма небольшую часть некогда единой РСДРП.

Группы *социалистов-революционеров* на территории ЦЧО существовали в Воронеже, Курске, Тамбове, Губкино и Елань-Колено в течение 1928–1934 гг. Деятельность эсеровских организаций тоже находилась под пристальным вниманием органов ОГПУ³¹, одним из важных информационных каналов была работа осведомителей, в частности, в Елань-Коленовской организации социалистов-революционеров действовал секретный сотрудник под псевдонимом Трубкин³². Начальник Орловского окружного отделения ОГПУ А.С. Ермолаев в апреле 1929 г. сообщал о некоей «эсеровской организации в Курске», с которой якобы был связан бывший орловский помещик Аккуратов. Однако никаких других, более определенных и достоверных сведений о курских эсерах периода существования ЦЧО не имеется. В организационном плане эсеры, как

и раньше, делились на левых во главе с Я.С. Базарным, и правых, которыми руководили вначале М.А. Лихач, а позднее – Ю.Н. Подбельский и И.Д. Смирнов³³. М.А. Лихач (1887–1931), бывший член Центрального комитета ПСР, собирал местных членов партии у себя на квартире. По данным ОГПУ, он готовил побег из воронежской ссылки. На рубеже 1920–1930-х гг. в Воронеже оказался и бывший член ЦК партии правых эсеров и один из руководителей ее боевой организации А.Р. Гоц, принимавший участие в работе эсеровских групп ЦЧО. Эсеровские организации существовали и на промышленных предприятиях области, о чем было заявлено на пленуме обкома ВКП(б) ЦЧО в июне 1929 г.³⁴ Воронежские эсеры поддерживали связи с нелегальным Центральным бюро ПСР. В октябре 1930 г. Лихач был арестован, а дело его направлено в Особое совещание ОГПУ³⁵. Подобным же образом развивались у ОГПУ отношения и с левыми эсерами. Бывший член ЦК партии левых эсеров Б.Д. Камков³⁶, попав в воронежскую ссылку, получил руководящую должность в статистическом отделе облисполкома ЦЧО. При его участии деятельность местных левых эсеров активизировалась, начали проводиться собрания, обсуждаться животрепещущие проблемы. К марту 1930 г., по сведениям ОГПУ, левые эсеры определили свою позицию по вопросу о сплошной коллективизации – они всецело одобрили обобществление крестьянских хозяйств. Однако в том же 1930 г. Камков был арестован в Воронеже, обвинен в организации побега из ссылки и создании нелегального паспортного бюро. Обвинение затронуло и профессиональную деятельность Камкова в облисполкоме. Его дело было направлено в Особое совещание ОГПУ. Избежавшие новых арестов и недавно прибывшие в ЦЧО эсеры в 1933 г. провели под Воронежем совещание, на котором присутствовали лидеры как правых (И.Д. Смирнов), так левых (Я.С. Базарный) эсеров. Поднимался вопрос об объединении обеих групп, но без согласования со своими центральными органами окончательное решение воронежские эсеры принимать не стали³⁷.

В отличие от меньшевиков, эсеры смогли на известное время частично сохранить и свои партийные структуры, и лидеров, и некоторую политическую активность. Они использовали методы конспирации, критиковали недемократические аспекты политики большевиков. Однако активной борьбы с коммунистическим режимом эсеры не вели. В октябре 1935 г. Особое совещание при НКВД СССР вынесло постановление в отношении членов Тамбовско-Воронежской эсеровской организации. Арестованные по делу В.П. Шестаков, Ю.Н. Подбельский, В.П. Стружинский, С.Я. Гендельман и другие получили различные сроки ссылки в отдаленные регионы страны (большинство участников эсеровских организаций ЦЧО были расстреляны в 1937–1938 гг.)³⁸.

В отдельных местах возникали и независимые эсеровские группы. В Губкинском округе ЦЧО организацией правых эсеров руководил местный кузнец П.И. Агарков, революционер еще с начала века, прошедший царскую тюрьму³⁹. Группа пыталась бороться с насильственными хлебозаготовками. У одного из членов группы – крестьянина-середняка С.И. Лаушкина – был конфискован обрез, которым тот угрожал членам комиссии по хлебозаготовкам. Деятельность этой, состоявшей всего из 5 человек, правозэсеровской организации освещала информатор ОГПУ по кличке Вольная.

Отдельные эсеры возглавляли крестьянские повстанческие отряды весной 1930 г. На территории Тамбовского округа ЦЧО действовали отряды под командованием Васильева, Матушкина, Клюева, Глухова и Пospelова. Все они были ликвидированы чекистами в течение 1930 г. Летом 1932 г. в Михайловском районе чекисты арестовали участников крестьянской повстанческой группировки эсера Михайлова. Позднее был разгромлен «Союз освобождения народа» под руководством эсера Ковалевского. Его участники, по данным следствия, в союзе с повстанцами Украины планировали поднять массовое крестьянское восстание. При арестах было изъято 24 единицы огнестрельного оружия⁴⁰.

Организация *анархистов*, действовавшая во всех трех крупнейших городах ЦЧО (Воронеж, Курск, Орел), включала 23 человека. В основном это были лица, подвергнутые административной высылке или отбывавшие «минусы» (запрет на проживание в определенных крупных городах). Их возглавлял А.Д. Барон-Факторович, бывший ру-

ководитель конференции анархистских организаций Украины «Набат», участник махновского движения⁴¹. Анархисты поддерживали связи между собой в пределах ЦЧО, а также со своими товарищами в Москве, Томске и Ульяновске, и, кроме того, с приверженцами анархизма в США, Франции и Испании. За связь с заграничными анархистами отвечала анархо-синдикалистка Б.С. Тубисман, проживавшая сначала в Воронеже, а затем в Орле. Именно через нее поступала небольшая материальная помощь от иностранных единомышленников. Анархистскую литературу из-за границы получал А.Г. Тарасюк, сосланный в Воронеж в 1929 г. Анархисты ЦЧО вели переговоры и о возможности созыва всесоюзной конференции анархистов в Орле, была даже назначена дата начала конференции – август 1933 г. Однако форум не состоялся, и Барон-Факторович с огорчением констатировал: «Движение анархизма окончательно раздавлено, два года нужно для организации»⁴². В 1934 г. по делу анархистов были арестованы 23 человека. Воспользовавшись показаниями самих арестованных, внесудебный орган – особое совещание при коллегии ОГПУ – 14 мая 1934 г. осудило 11 человек⁴³. Барон-Факторович был выслан на 3 года в Обско-Иртышскую обл., остальные также получили 3-летние сроки высылки в отдаленные от Центральной России регионы СССР⁴⁴.

Заметное место в картине развертывавшейся на территории ЦЧО оппозиционной деятельности в том виде, как она отразилась в материалах ОГПУ, занимает дело *антоновцев* или, говоря официальным языком того времени, «контрреволюционной повстанческой организации бывших политбандитов 14-го Токайского полка банд Антонова – антоновцев». Дело этой организации стало своеобразным эхом Гражданской войны, когда в 1920–1921 гг. против власти большевиков, проводивших политику военного коммунизма, выступило население значительной части Центральной России. В 1931–1932 гг. по этому делу проходили 63 человека, 22 из которых были командно-политическими работниками в отрядах А.С. Антонова (1888–1922), еще 31 человек служил рядовыми бойцами, остальные 10 в антоновском восстании не участвовали, но примкнули к организации в 1932 г. Руководителем организации антоновцев стал бывший помощник командира 14-го Токайского полка А.И. Гребенкин. После ареста он охотно рассказывал молодым чекистам-следователям об истории антоновского движения, объяснял причины восстания крестьян против власти большевиков. По его словам, «когда Советская власть стала сильно нажимать на рабочих, крестьян... путем продразверстки, закрытием вольной торговли, большая часть народа под руководством умных людей пошла восстанием против Советской власти»⁴⁵. Эта характеристика взаимоотношений народа и власти звучала весьма актуально и в период сворачивания нэпа на рубеже 1920–1930-х гг. Как рассказывал Гребенкин, «14-й полк был образован в октябре 1920 г., в апреле 1921 г. нас разбили, но мелкие отряды продолжали сражаться до 1924 г. Большая часть повстанцев скрылась»⁴⁶. 2 ноября 1927 г. все бывшие антоновцы были амнистированы постановлением ВЦИК СССР в связи с 10-летием Октябрьской революции. По сведениям ОГПУ, бывшие антоновцы разъехались по городам ЦЧО, но в 1932 г. были вынуждены вернуться на прежнее место жительства из-за введения в Советском Союзе паспортной системы. Согласно данным того же источника, бывшие антоновцы, проживавшие в 13 селах на территории 7 сельских советов Архангельского и Щученского районов ЦЧО, поддерживали между собой связь, а некоторые участники антоновского движения в 1932 г. пытались установить контакты с северокавказскими повстанцами, а также с зарубежными антисоветскими центрами⁴⁷. В январе 1933 г. бывшие антоновцы попали в поле зрения чекистов, последовали аресты. Следователям вполне хватило откровенных показаний всего нескольких из 63 арестованных, чтобы записать в обвинительном заключении, что организация «готовила руководящие кадры, пропагандировала повстанческие настроения, вела подрывную работу в колхозах». Слабую структурированность организации и отсутствие внятно сформулированных целей следователи объясняли тем, что антоновская организация была «ликвидирована в начале процесса организационного оформления»⁴⁸. Обвинительное заключение по этому делу в апреле 1933 г. подписал сам полномочный представитель ОГПУ по ЦЧО С.С. Дукельский. Только 1 августа 1933 г. тройка полномочного представительства

ва ОГПУ (ПП ОПТУ) по ЦЧО вынесла приговор. Лидер бывших антоновцев Гребенкин был осужден на 5 лет исправительно-трудовых лагерей, различные сроки получили и другие осужденные⁴⁹.

Согласно чекистским данным, в ЦЧО существовали и другие организации антоновцев. Так, «Союз земельных собственников» действовал на территории Ржаксинского и Сампурского районов ЦЧО. Его ядро составляли 19 бывших участников антоновского восстания, а руководителем был Санфилов, бывший командир особого полка у Антонова. В организации соблюдалась строгая конспирация и дисциплина. Руководство организации пыталось объединить разрозненные крестьянские повстанческие группы, действовавшие в указанных районах. Цель организации – путем вооруженного восстания «установить мужицкую власть, вольную торговлю»⁵⁰. В июле 1932 г. в организацию был внедрен секретный сотрудник из Тамбовского оперсектора ПП ОГПУ по ЦЧО, а в сентябре «Союз земельных собственников» был ликвидирован. Однако арестовать всех членов организации чекистам не удалось, благодаря конспирации часть членов «Союза земельных собственников» осталась на свободе и, по косвенным признакам, перебралась в города для работы на промышленных предприятиях.

По данным чекистов, бывшие антоновцы стали ядром для целой группы повстанческих отрядов на территории бывшей Тамбовской губ., а теперь северо-восточных районов ЦЧО (Алешковского, Бондарского, Моршанского, Мучканского, Пичаевского, Ржаксинского, Уваровского). В отличие от организаций Гребенкина и Санфилова, эти отряды реально контролировали отдельные села, проводили выборы старост вместо распущенных сельсоветов, следили за порядком, организовывали охранную службу, провозглашали «свободу слова». Повстанческие отряды совершали рейды по соседним селам, нападали на отделения милиции, партийных работников, захватывали склады и заготконторы. По сравнению с другими повстанцами, бывшие антоновцы отличались «повышенной агрессивностью и жестокостью, были непримиримыми противниками Советской власти». В течение 1931 г. на территории ЦЧО были арестованы 365 бывших участников антоновского восстания⁵¹.

Помимо организаций антоновцев, чекистами выявлялись и другие подпольные организации. В Верхне-Мамонском районе ЦЧО в течение 1930–1934 гг. действовала организация «Вольные крестьяне», объединявшая 118 сельских жителей под руководством П.Ф. Ярцева⁵². Крестьяне объединились в «момент сплошной коллективизации весной 1930 г.». Свою оппозиционность они обосновывали тем, что «с 1927 г. Советской власти не существует, свободных выборов нет, а есть назначенчество, мы не обязаны подчиняться»⁵³. Организация проводила вербовку новых членов, ее численность со времени создания к лету 1930 г. выросла от четырех десятков до более сотни членов. Сопротивление властям, согласно выводам следствия, выражалось в неуплате налогов. По приговору тройки ПП ОГПУ по ЦЧО от 25 июля 1931 г. наиболее активные участники организации получили от 3 до 10 лет концлагерей, для части обвиняемых была избрана условная мера наказания, а часть – вообще освобождена от наказания.

В нескольких селах Бобровского района ЦЧО примерно тогда же существовала организация «Правая оппортунизма»⁵⁴, насчитывавшая до 192 членов⁵⁵. Рождение ее относится к весне 1931 г. Именно к тому времени, проведя предварительные беседы с односельчанами, крестьянин села Верхний Икорец Бобровского района ЦЧО Т.Р. Говоров составил первоначальный список организации, состоявший из 51 фамилии. Необычное название «Правая оппортунизма» было извлечено ее участниками из газет за 1930 г., переполненных тогда разоблачениями правых оппортунистов, к которым сталинская группировка причисляла Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова и их сторонников за попытки предотвратить сворачивание нэпа. Бобровские крестьяне поняли газетную критику по-своему: правый оппортунизм – благо для крестьян, он означает возврат к той жизни, которая была до начала пятилетки и коллективизации, со свободной торговлей, признанием института собственности и прав собственника. Такое восприятие «правого уклона» было характерно и для крестьянства других регионов. По сообщениям ОГПУ, в январе 1929 г. «кулаки в своих выступлениях и листовках, выдвигая программу эко-

номических требований, иногда ссылались на правых уклонистов в партии, призывали крестьян солидаризоваться с ними, видя в них единственную легальную силу, за которую можно ухватиться для реализации своей программы»⁵⁶.

Интересна сама фигура руководителя «Правой оппортунизмы» – Тимофея Романовича Говорова. Родился он в с. Верхний Игорец в 1901 г. в зажиточной семье. Кроме земельного надела в 20 десятин, хозяйство ежегодно арендовало еще до 100 десятин, был свой кирпичный завод, ветряная мельница, маслобойка, держали 15 рабочих лошадей и 10 коров, не считая более мелкой живности. Кроме членов семьи, постоянно работали 10 наемных рабочих, а на сезонные сельскохозяйственные работы нанимали еще до 70 человек. Затем хозяйство разделили между взрослыми детьми, и к 1929 г. у Тимофея с женой было 8 десятин пахотной земли, ветряная мельница, лошадь, одна корова, на время нанимали до 5 сезонных работников. Т.Р. Говоров служил в Красной армии в 1919–1922 гг. В 1922 г. ему дали отпуск, и молодой солдат задержался дома. За это Говорова судили. В 1925 г. его вновь осудили на 5 лет – уже за фальшивомонетничество, но через 2 года выпустили. С 1928 г. его хозяйство обложили налогами и «твердыми заданиями» по хлебозаготовкам и, наконец, в 1931 г. все хозяйство было конфисковано.

Тимофей Романович активно участвовал в сопротивлении крестьян коллективизации, но уголовному преследованию за это не подвергался⁵⁷. Вероятно, в этот период у Говорова стали формироваться черты крестьянского вожака. Для психологического обоснования своего лидерства крестьянский вожак должен был обладать рядом качеств. Прежде всего, это обладание харизмой, авторитетом и способностью вести за собой. Он должен был не только находиться вне системы органов государственного управления, но и иметь репутацию борца с режимом. Вождь должен был ярко проявлять общественную мотивацию своего поведения. Невозможно было обойтись без экономической программы, основанной на защите крестьянских интересов, ущемляемых государством. Таким образом лидер должен был олицетворять конкретную общность, на что обращал внимание Б.Ф. Поршнев⁵⁸. Вожак соединял в себе характерные черты окружения, воплощал стремление к определенным целям, брал на себя организацию деятельности по достижению целей, а общность связывала с ним свои ожидания и перекладывала на вожака большую часть ответственности за совместные действия и их последствия. Подобное разделение задач: концентрация разных видов активности в личности вожака и ведомая позиция безответственности остальных членов организации допускало, а подчас и требовало некоторого взаимного обмана. С одной стороны, это были различные приемы по искусственному наращиванию авторитета вождем, с другой – вождь должен был принимать или делать вид, что принимает, все требования окружения и возглавляемых масс.

Как и вожаки многих других новорожденных нелегальных организаций, руководитель «Правой оппортунизмы» прибегал к мистификации: стремясь создать впечатление о своих широких политических связях, он внушал рядовым членам, что существует еще более высокое – областное руководство и даже центральное – в Москве. В соответствии с информацией, известной крестьянам из газет, главой организации Говоров называл самого Н.И. Бухарина, даже организовал встречу актива с «вождем». Роль Бухарина на этой встрече сыграл молодой крестьянин Василий Медведев, знакомый Говорова. На людях тот по-свойски называл «Бухарина» Колей (желая подчеркнуть панибратский характер отношений с «Николаем Ивановичем»). На собрание «Бухарин» пришел одетым в городское пальто и шляпу, изложил цели и задачи организации, предостерег от несвоевременных активных действий и предрек скорый конец советской власти⁵⁹. По свидетельству хозяина дома, в котором проходила встреча, после собрания «Бухарин» выпил вместе со всеми и угощался медом на пасеке⁶⁰.

Медведев в обличье «вождя» тепло и с доверием был принят участниками организации, поскольку они его ждали. Свидетельством распространенности таких ожиданий служат и письма обыкновенных людей в газеты и различные органы власти того времени: аноним из Оренбурга высказывал мнение, что «когда во главе были Рыков, Томский

да Бухарин, всего было вдоволь, вот их отставили, и ничего не стало», другой сибиряк заявлял: «Рай у нас с Рыковым да Бухариным будет»⁶¹.

Кроме мистификации с «вождем» для сплочения организации употреблялись и другие средства. К дисциплине готовых взбунтоваться крестьян, помимо самозванного Бухарина, призывали и «приказы», якобы получаемые из Москвы, а на самом деле составлявшиеся Говоровым и его соратником Щегловым «непонятным языком с большим количеством иностранных слов»⁶². Однако нетерпеливые члены организации требовали активных действий, и тогда зимой 1930 г. Говоров приказал разобрать железнодорожное полотно, но инструментов исполнителю не дал. Исполнитель был вынужден от выполнения задания отказаться самостоятельно⁶³. В данном эпизоде Говоров показал себя как гибкий лидер. С одной стороны, он формально пошел навстречу преобладавшим настроениям, отдав требуемый приказ, а с другой – не создал необходимых условий для реализации собственного приказа и тем самым заставил членов организации подчиниться проводимой им линии на недопущение несвоевременного конфликта с властью.

Стремлением Говорова укрепить в глазах крестьян свой образ альтернативного лидера, а самой «Правой оппортунизмы» придать характер альтернативной государственной организации объясняется и тот факт, что она обзавелась, по его приказу, собственными печатями и штампами, был также введен определенный делопроизводственный порядок: велись тетради учета, членам организации и другим крестьянам выдавались различные документы: описи имущества, расписки и т.п. Изготовленные грубовато и кустарно, эти документы, тем не менее, с доверием воспринимались крестьянами, опасавшимися за судьбу своего имущества в условиях насильственной сплошной коллективизации, раскулачивания и конфискации.

В деятельности «Правой оппортунизмы» прослеживаются и другие аналогии с существовавшей в Советском Союзе партийно-государственной системой. У Говорова был секретарь И.Ф. Плетнев, который выдавал вступавшим специальные удостоверения, подобные партийным билетам. Члены «Правой оппортунизмы» платили партийные взносы. Размер их не был определен (от 20 до 320 руб.) и брали взносы не со всех (в основном, с тех, кто ожидал возвращения своего конфискованного властями имущества). В организацию вступали как уже разоренные кулаки, так и середняки, которые также опасались разорения. Одной из главных практических задач «Правой оппортунизмы» была перепись имущества ее членов – для того, чтобы вернуть его в случае конфискации. Предполагалось и участие в возможном восстании против власти коммунистов. Для этого активисты накапливали оружие, но от рядовых членов это скрывалось, поскольку, как считал Говоров, «крутая расправа Советской власти с повстанцами многих отпугивала бы от организации»⁶⁴.

Дело по этой организации вел заместитель начальника секретно-политического отдела ПП ОГПУ по ЦЧО Дяконов, а обвинительное заключение подписал сам полпред Н.Н. Алексеев. За создание «Правой оппортунизмы» Т.Р. Говоров в 1931 г. получил 10 лет исправительно-трудовых лагерей⁶⁵, однако из мест заключения бежал. В 1936 г. он был вновь осужден за целый букет преступлений против порядка управления и имущественных преступлений на 10 лет исправительно-трудовых лагерей, но по болезни его освободили от отбытия наказания. Говоров создал новую организацию – «Правый уклон» и в 1937 г. был за это расстрелян⁶⁶. В 1993 г. по обвинениям в организации и деятельности в двух своих организациях Тимофей Романович был реабилитирован. Старший помощник прокурора по Воронежской области В.Т. Акулов признал, что крестьянские организации существовали, но не совершили конкретных преступлений⁶⁷. Крестьяне «объединялись вокруг Говорова не для терактов, а в поисках путей облегчения жизни, при этом никаких действий против Советской власти не совершали»⁶⁸.

Особой группой среди оппозиционных объединений являются *повстанческие организации*, появляющиеся как высшее проявление протестных настроений и действий населения в ответ на политику коммунистической власти деревне в 1929–1933 гг. По районам ЦЧО в те годы прокатилась волна массовых восстаний; в отдельных слу-

чаях число восставших превышало 4 тыс. человек, а в селах Сухая Березовка и Коршево Бобровского района в восстании приняли участие более 30 тыс. человек⁶⁹. В январе 1930 г. на территории ЦЧО произошло 51 выступление с 25 тыс. участников (в среднем 500 человек на одно выступление), в феврале – 131 выступление с 37 тыс. участников (в среднем 280 человек на одно выступление)⁷⁰, что опережает темпы роста сопротивления крестьянства в целом по стране. В январе в СССР было зарегистрировано 346 мятежей (125 тыс. участников, в среднем 360 восставших на одно выступление), а в следующем месяце – 736 (220 тыс. участников, в среднем 300 человек на одно выступление)⁷¹. В ЦЧО от января к февралю 1930 г. рост выступлений составил 160%, в то время, как во всем Советском Союзе – 110%, а по численности участников в ЦЧО рост наблюдался на 50%, тогда как по СССР – на 75%. Иначе говоря, восстания в ЦЧО разгорались быстрее, чем в целом по стране, но при этом каждое из выступлений по числу повстанцев росло несколько медленнее, чем в других регионах.

Уже в 1930 г. восстания вошли в круг повседневности, крестьянское сознание начало воспринимать их как одну из форм взаимодействия с властью. Так, крестьянин-середняк из Козловского округа ЦЧО заявлял в начале лета: «Пойдем на восстание, а хлеба власти не дадим» Причину такой позиции раскрывает высказывание другого середняка – из с. Огашевка Валуйского района Острогожского округа ЦЧО: «Хлеб государству вывезли, а сами сидим голодные»⁷². Еще одной неперенной чертой повседневной жизни являлось распространение информации в форме слухов. В 1929 г. в черноземной деревне распространялись слухи о скорых восстаниях городских рабочих. Крестьянин из Павловска Россошанского округа ЦЧО в феврале 1929 г. говорил односельчанам, что «в Москве целое восстание рабочих на почве недостатка хлеба». Таловский крестьянин уточнял: «В Москве среди рабочих идет большое недовольство, скоро ожидается забастовка и восстание рабочих против власти»⁷³.

Пик сопротивления населения усилиям партийно-государственного аппарата изменить экономические реалии страны пришелся на март 1930 г., когда в 625 разного рода крестьянских выступлениях на территории ЦЧО участвовали 154 тыс. человек. По сведениям Н.А. Ивницкого, по всей стране, не считая Украины, произошло 1 642 выступления, в которых приняли участие примерно 750–800 тыс. крестьян, т.е. на Центрально-Черноземную область пришлось 38% общего числа выступлений и 20% восставших⁷⁴. При этом по ЦЧО доля восставших составила 1.3% населения области – весьма высокий показатель для одновременных активных действий. С началом посевной последовал относительный спад массовых выступлений: в апреле 1930 г. было зафиксировано 48 тыс. крестьян, участвовавших в акциях протеста, в мае – 21 тыс.⁷⁵ Суммарно же за первые 5 месяцев 1930 г. в почти тысяче выступлений против политики властей поднялось 285 тыс. жителей ЦЧО или 2.5% всего населения области. Вот что пишут непосредственные свидетели одного из таких выступлений: «В с. Правая Хава 31 марта [1930 г.] толпа в несколько сот человек приступила к разбору семенного фонда и разгромила правление колхоза. 1 апреля прибыл отряд 45 чел[овек] войск ГПУ. Попытки уговорить не дали успеха. Толпа все увеличивалась, прибывали люди из окрестных деревень. Отдельный окруженный отряд из 10 красноармейцев после предупредительных выстрелов дал залп, убито 5 чел[овек], ранено 3, после чего толпа рассеялась»⁷⁶.

На территории ЦЧО за I квартал 1930 г. органы госбезопасности зафиксировали по 48 массовых выступлений в Козловском и Курском округах, 35 – в Елецком, по 25 восстаний в Острогожском и Усманском округах, 19 – в Борисоглебском, по 9 в Льговском и Орловском округах⁷⁷. Для их подавления власти использовали оперативно-маневренные группы ОГПУ, воинские части, вооруженные отряды партийно-комсомольского актива. В 1931 г. в ЦЧО было зафиксировано 1 836 массовых крестьянских выступлений. За 1930–1931 гг. по сводкам ОГПУ на территории области было совершено более 2 тыс. террористических актов⁷⁸.

Большая часть восстаний на территории ЦЧО носила стихийный характер, но с 1930 г. повстанцы начали создавать собственные организации. Только на территории

Елецкого, Льговского и Острогожского округов в 1930 г. действовали 132 организованные повстанческие группы⁷⁹. Всего же по области за первые 2 месяца этого года органами ОГПУ, по сообщению его полномочного представителя Н.Н. Алексеева, была пресечена деятельность 9 крестьянских организаций и 506 повстанческих группировок, по делам о «контрреволюционных организациях и группировках» проходили 3 888 обвиняемых, дела «кодиночки» были заведены на 2 942 человека⁸⁰. Таким образом, около 60% повстанцев принадлежали к организованному сопротивлению. При этом в сводке Секретно-оперативного управления ОГПУ на 1–15 февраля за чекистами ЦЧО не значится ни одной ликвидированной контрреволюционной организации, только 143 группировки⁸¹. Получается, что за 2 последние недели февраля сотрудники Н.Н. Алексеева преодолели отставание от коллег из других регионов. К 5 марта 1930 г. за чекистами ЦЧО значилось уже 11 ликвидированных контрреволюционных организаций со 161 арестованным участником; по всей стране к этому времени была уничтожена 141 подобная организация с 4 507 арестованными⁸². Цифры эти подлежат некоторой коррекции, поскольку не учитывают число убитых в ходе чекистско-войсковых операций, например, только в докладе Контрразведывательного отдела ОГПУ от 29 апреля 1930 г. сообщается о 2 686 убитых на 67 662 арестованных повстанца (4%)⁸³.

Таким образом, на Центрально-Черноземную область в начале 1930 г. приходилось около 8% повстанческих организаций и менее 4% повстанцев. Чекистами ЦЧО было ликвидировано 340 повстанческих группировок, насчитывавших 2 662 участника; по всему СССР было уничтожено 4 193 группировки с 31 568 участниками⁸⁴. В этом секторе организованного крестьянского сопротивления на ЦЧО приходилось 8% организованных групп и около 9% повстанцев. К 20 марта 1930 г. число повстанческих организаций достигло 14 (276 арестованных), а по группам повторяются данные от 5 марта, эти же данные повторяются и в спецсводке за 24 апреля⁸⁵. По СССР было ликвидировано 166 организаций (5 427 арестованных) и 5 363 группы (39 538 человек), доля орловских чекистов составляет по ликвидированным организациям все те же 8% (по членам 5%), а по группам доля ЦЧО снизилась до 6% (по участникам до 7%). Доля Центрального Черноземья в этих показателях в целом колеблется около его доли в населении страны (7%), что позволяет говорить о среднем уровне повстанческой организованности в регионе.

В ходе комплексной операции чекистов, проводившейся в течение июля–августа 1930 г., были ликвидированы еще 2 повстанческие организации и 307 крестьянских группировок⁸⁶. Следующая массовая операция в январе–феврале 1931 г. уже не выявила повстанческих организаций, в 1,5 раза меньше было ликвидировано крестьянских группировок (210), за участие в них было осуждено 4 260 человек. Третья массовая операция чекистов, также проведенная в 1931 г., пресекла деятельность повстанческих групп уже в 9 из полутора сотен районов ЦЧО, по ее итогам были осуждены 2 418 человек. А в 1932 г. чекисты в рамках оперативного дела «Гидра» ликвидировали 12 повстанческих групп в Белгородском, Шебекинском и Больше-Троицком районах ЦЧО⁸⁷. В течение 1933 г. чекисты обнаружили 20 повстанческих организаций (арестовано 2 тыс. человек) и 97 крестьянских повстанческих групп (арестовано более 3 тыс. человек) в 52 районах ЦЧО⁸⁸. В этом году всего по линии Секретно-политического отдела ПП ОГПУ по ЦЧО были арестованы более 7 500 человек. Получается, что около 70% арестованных за антигосударственную деятельность принадлежали к организованным повстанческим структурам.

В апреле 1930 г. в документах чекистов, помимо терминов «контрреволюционная организация» и «группировка», появился еще один – «политбанда». «Политбандами» именовались вооруженные повстанческие отряды. С 1 января по 15 апреля 1930 г. в СССР было ликвидировано 206 повстанческих организаций (8 740 участников), 6 827 группировок (50 009 участников) и 229 «активных политбанд» (8 913 участников)⁸⁹. Причем с оружием в «политбандах» было не густо, даже если предположить, что 5 533 ствола изъятого за первую треть 1930 г. огнестрельного и 2 250 единиц холодного оружия⁹⁰ приходятся только на этот вид повстанческих организаций, то и в этом случае

каждый восьмой «политбандит» оказывается даже без ножа. Отмечены лишь единичные случаи использования взрывчатых веществ. Так, 1 сентября 1930 г. в д. Сосенки Ново-Усманского района ЦЧО была сделана попытка взорвать динамитом амбар с 64 т колхозного зерна⁹¹.

О характере крестьянских группировок можно судить по восстанию в с. Липовка Лосевского района Россошанского округа ЦЧО весной 1930 г. В селе был образован штаб, более 1 тыс. повстанцев были разделены на взводы, вокруг села выставлены посты охраны, а на колокольне находился наблюдатель. В центре села периодически проводились митинги для поддержания необходимого для сопротивления уровня готовности. В соседние села штабом были направлены ходоки для организации поддержки. Когда отряд ОГПУ приблизился к селу, развернулся бой, в ходе которого были убиты и раненые с обеих сторон. Вероятно, об этом сражении говорится в справке Главного управления пограничной охраны и войск ОГПУ от 28 июня 1930 г.: «Тактика бандитов значительно усовершенствовалась... В ЦЧО при ликвидации одного из восстаний бандиты применяли комбинированный метод борьбы: огонь с фронта и движение в атаку с фланга. При успешных действиях нашего отряда бандиты зажгли в разных пунктах обороняемое ими село, пытаясь этим расстроить наступающую на них часть войск ОГПУ, окружить и уничтожить ее»⁹². Однако сам повстанческий отряд был окружен, правда и в этой ситуации часть крестьян прорвалась в соседний Шиповский лес. Для окончательной ликвидации восстания проводилась объединенная чекистско-войсковая операция. Другие чекистские отряды провели профилактическую работу в соседних селах, изъяли у крестьян оружие, боеприпасы, строго предупредили их. В результате липовская повстанческая группа потерпела поражение⁹³.

Повстанческое движение конца 1920-х – начала 1930-х гг. воспроизводило многие традиционные черты крестьянских движений XVII–XVIII вв. Прежде всего, действия повстанческих формирований носили локальный характер, обычно ограничиваясь территорией района, редко захватывая соседние округа ЦЧО. Опираясь на родственные и дружеские связи, повстанцы, по данным чекистов, были хорошо осведомлены о действиях властей, они стремились не вступать в открытые столкновения с противником, а применяли партизанскую тактику внезапных налетов и засад. В рядах повстанческих организаций было немало участников Первой мировой и Гражданской войн, что позволяло им использовать элементы военной тактики. «Ряд повстанческих отрядов Курского и Орловского округов имели на случай проведения комплексной чекистско-войсковой операции запасные пункты базирования, склады продовольствия и боеприпасов»⁹⁴. При боевых столкновениях, если создавалась опасность окружения, повстанческие отряды разделялись на мелкие группы, которые расходились в разные стороны, и определенное время не предпринимали никаких действий. Ряды повстанческих организаций комплектовались из крестьян, которые были объявлены кулаками, но уклонились от выселения в период раскулачивания или сбежали из ссылки. Кроме того, данные по 11 контрреволюционным организациям, ликвидированным на территории ЦЧО к 5 марта 1930 г., сообщают о 5 членах оппозиционных партий в их составе, что составляет 3% от численности повстанцев. В составе повстанческих групп, ликвидированных за этот период, такой категории участников не выявлено. А вот по материалам 33 повстанческих групп, ликвидированных на территории ЦЧО в 1933 г., в их составе находилось: 432 бывших участника повстанческого движения (14%), 308 членов оппозиционных партий (10%), 109 бывших дворян или крупных собственников (3%), 134 бывших жандармов и полицейских (4%), 61 бывший офицер царской армии (2%) и 85 бывших белых офицеров (3%)⁹⁵. Повстанцев поддерживали не только другие слои крестьян, но и некоторые работники советских органов. По крайней мере, ОГПУ разоблачило ряд повстанческих информаторов в сельсоветах. По мере развития повстанческого движения доля членов оппозиционных партий в его рядах с 1930 по 1933 г. выросла втрое. В качестве одной из особенностей состава повстанческих организаций в ЦЧО, чекисты выделяли широкое наличие в них церковников и сектантов, что было характерно для всех областей Центральной России⁹⁶.

Одной из форм повстанческой деятельности на территории ЦЧО было изготовление и распространение листовок. По данным ОГПУ за первые 9 месяцев 1931 г., по всей стране повстанческие листовки составляли в январе – 14,3 % от общего числа обнаруженных в сельской местности прокламаций, в феврале – 18,6%, марте – 21,3, апреле – 24,7, мае – 28,6, июне – 32,6, июле – 33,3, в августе 1931 г. – 20%. В ЦЧО за этот период было найдено в январе – 10 листовок, феврале – 27, марте – 27, апреле – 13, мае – 19, июне – 8, а в июле, августе и сентябре 1931 г. – ни одной⁹⁷.

Отсутствие на территории ЦЧО фигуры, равной Н.И. Махно или А.С. Антонову, способной объединить разрозненные крестьянские выступления, обрекало повстанцев на поражение. Впрочем, попытки объединения предпринимались. После ликвидации на Украине крупной повстанческой организации, в начале 1930 г. на территории Тамбовщины появился один из ее лидеров – Тодорович. Он попытался объединить несколько местных крестьянских отрядов, но был вскоре арестован чекистами в ходе оперативной разработки⁹⁸. Кроме того, по сведениям чекистов, на территории Белгородского района, который граничил с Украиной, создавались повстанческие ячейки от некоего харьковского повстанческого объединения⁹⁹, что являлось формой межрегиональной консолидации повстанцев.

В период наивысшего подъема повстанческих выступлений с февраля 1930 г. по апрель 1931 г. тройка ПП ОГПУ по ЦЧО приговорила к расстрелу или разным срокам заключения 19 238 человек, участвовавших в повстанческом движении, и еще 2 413 членов повстанческих отрядов были высланы за пределы области¹⁰⁰. В 1933 г. было задержано уже только 2 543 (по другим данным – более 5 тыс.) участника крестьянского повстанческого движения, большинство из которых обвинялось лишь в намерениях совершить преступления¹⁰¹.

Окончательный разгром повстанческого движения на территории ЦЧО стал возможен к 1934 г. не только благодаря эффективным действиям карательных отрядов Красной армии, ОГПУ и вооруженных коммунистов, не только благодаря маневрам руководства страны в ходе проведения политики сплошной коллективизации (временно ослаблялся натиск на крестьянство, разрешалось распускать колхозы, в области была реабилитирована половина – 31 605 из 77 243 раскулаченных, открывались церкви), но и в результате физического ослабления крестьянства. В 1933 г. Центральное Черноземье, как и многие другие регионы страны, охватил голод, как результат массового вывоза обобщественного при коллективизации зерна и разрушения основ хозяйственной жизни индивидуального крестьянства. В несколько раз повысилась смертность населения, уже с весны 1933 г. правоохранительными органами фиксировались случаи каннибализма, за этот год в ЦЧО от голода погибли 240 тыс. человек¹⁰². Страдала от голода, в основном, беднейшая часть крестьянства. Помимо того, с 1932 г. на основании закона от 7 августа началось массовое уголовно-репрессивное давление на крестьянство, когда любая кража государственного или колхозного имущества грозила расстрелом или 10-летним заключением в лагерь. В результате, вся активная часть крестьянства, способного на сопротивление, была изолирована или ликвидирована и в 1934 г. ОГПУ уже не фиксировало в ЦЧО массовых вооруженных выступлений.

Оценивая крестьянское повстанческое движение рубежа 1920–1930-х гг., историки высказывают разные мнения. Наиболее радикален итальянский исследователь А. Грациози, который называет его «величайшей европейской крестьянской войной», оговаривая, впрочем, спорность такой оценки. Он поясняет, что это «жесточкая война, состоявшая из множества отдельных жестоких конфликтов», т.е. уже не вполне и война в ее классическом виде¹⁰³. Бывший полковник российского генштаба Е.Э. Месснер предложил новый термин для подобных массовых конфликтов XX в. – «мятежевойна» и подробно описал ее признаки¹⁰⁴. Л. Виола использует более привычный термин, применявшийся для событий периода Второй мировой войны – Сопротивление (Resistance)¹⁰⁵. Учитывая массовый характер выступлений, сочетание активного и пассивного, неорганизованного и организованного сопротивления властям, безоружной и вооруженной борьбы с разными видами государственных вооруженных частей и отря-

дов, на мой взгляд, можно говорить не только о разрозненных крестьянских выступлениях, повстанческом движении, но и о новом всплеске гражданской войны.

Повстанческие организации ЦЧО 1929–1933 гг. не имели столь развитой структуры, как в других регионах страны. Хотя в некоторых организациях имелись штабы, подразделения воинского типа, склады продовольствия, но не встречалось упоминания о наличии оружейных мастерских, отрядов снайперов, продовольственных комитетов и т.п. Их деятельность также не отличалась интенсивностью, использовалась партизанская тактика борьбы, в отличие от повстанцев Закавказья и Северо-Кавказского края, которые вели наступательные бои, сопровождавшиеся большими потерями с обеих сторон. В ЦЧО повстанцы не захватывали районные или окружные центры, как в Азербайджане или Казахстане. Не проводились массовые мобилизации в вооруженные отряды, и не велось регулярного военного обучения. Вместе с тем повстанцы в Центральном Черноземье использовали разные формы агитационно-пропагандистской работы: проводились собрания и митинги, сходки, выпускались листовки. Для повстанческих организаций ЦЧО, как и во всей Центральной России, была характерна осмысленная оппозиционная деятельность, проявлявшаяся в противодействии политике властей по коллективизации, раскулачиванию, выселению, закрытию церквей. Для этого использовались методы агитации, террора, срывались официальные мероприятия, поднимались массовые восстания. С идеологической точки зрения повстанческие организации в ЦЧО делились на 3 группы. Подавляющее большинство выступало с народнических, близких к эсеровским позиций, часто использовались лозунги очищения Советской власти от коммунистов, другая группа организаций использовала идейный арсенал правой оппозиции, выступала за продолжение нэпа, самая малочисленная третья группа повстанческих организаций исходила из монархических установок, выступала за полную ликвидацию советской власти и реставрацию «Дома Романовых». Можно отметить, что, если первые две категории повстанческих организаций были широко представлены по всему СССР, то наличие промонархических были зафиксировано только в ЦЧО, Западной обл. и Средне-Волжском крае.

К 1934 г. вместе с подавлением массового крестьянского движения были ликвидированы и повстанческие организации. Следует отметить, что масштабов, жесточечности и организованности, характерных для периода 1918–1922 гг., повстанческое движение 1929–1933 гг. не достигло. Коммунистические власти, не имея других противников, как это было в период Гражданской войны, смогли сосредоточиться именно на подавлении крестьянского сопротивления, к которому они были готовы и в организационном, и в идеологическом, и в военном отношении.

Примечания

¹ Государственный архив Орловской области (далее – ГА ОО), ф. 1847-с, оп. 1, д. 2, л. 434, 442.

² Центр документации новейшей истории Воронежской области (далее – ЦДНИ ВО), ф. 9, оп. 1, д. 149, л. 12.

³ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 19, л. 1.

⁴ *Иванов И.* Новые вылазки троцкистов и мясниковцев // Ленинский путь (Воронеж). 1929. № 3. С. 8.

⁵ ЦДНИ ВО, ф. 2, оп. 1, д. 866, л. 27.

⁶ Список абонентов телефонной сети Орловской губернии на 1928 год. Орел, 1928. С. 41.

⁷ ГА ОО, ф. С-1.847, оп. 1, д. 2, л. 244.

⁸ Там же, ф. 1847, оп. 1, д. 1, л. 273.

⁹ Там же, ф. С-1.847, оп. 1, д. 2, л. 389.

¹⁰ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 164, л. 173.

¹¹ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 455, л. 14.

¹² Вторая областная конференция ВКП(б). Стенографический отчет. Воронеж, 1930. С. 433.

¹³ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 374, л. 3.

¹⁴ Воронежские сталинские списки. Книга памяти жертв политических репрессий Воронежской области. Т. 2. Воронеж, 2007. С. 71–72.

¹⁵ Мясников Гавриил Ильич (1889 г. – 16 ноября 1945 г., Москва). Член Коммунистической партии в 1906–1922 гг. Рабочий, профессиональный революционер. Председатель Мотовилихинского совета рабочих депутатов, в 1920 г. председатель Пермского губкома РКП(б). В 1918 г. организовал похищение и убийство вел. кн. Михаила, также организовал убийства архиепископа Андроника и ряда специалистов Мотовилихинского завода. Лидер оппозиционной группы «Рабочая правда», за критику властей арестовывался в 1922 и 1923 г. В 1923–1927 гг. отбывал заключение в Москве, Томске, Вятке. В 1926 г. чекисты заявили, что раскрыли организованную Мясниковым в тюрьме «антипартийную организацию», состоявшую в основном из работников домзака, что позволяет сравнить Мясникова по силе воздействия с известным революционером XIX в. Сергеем Нечаевым. Позднее Мясников был сослан в Ереван, откуда в ноябре 1928 г. бежал за границу. Находился в иранских и турецких тюрьмах, в 1930–1944 гг. жил во Франции, работал на заводах. В январе 1945 г. обманом вывезен в СССР, арестован и расстрелян.

¹⁶ Морозов долгое время пользовался доверием партийных органов. По рекомендации райкома ВКП(б) он был в свое время избран председателем профсоюза металлистов (ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 82, л. 4).

¹⁷ *Бирн И.* К деятельности троцкистов и мясниковцев в Воронеже // Ленинский путь. 1929. № 4. С. 13.

¹⁸ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 83, л. 3.

¹⁹ Там же, л. 4.

²⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4 т. Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 1. 1930–1931 гг. М., 2003. С. 779.

²¹ ЦДНИ ВО, ф. 9, оп. 1, д. 83, л. 3.

²² Там же, л. 14.

²³ Там же, д. 82, л. 23.

²⁴ Там же, л. 16.

²⁵ Там же, л. 28.

²⁶ Там же, л. 18.

²⁷ Вторая областная конференция ВКП(б). С. 434.

²⁸ ГА ОО, ф. С-1.847, оп. 1, д. 1, л. 398.

²⁹ ЦДНИ ВО, ф. 2, оп. 1, д. 328, л. 47.

³⁰ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) Т. 7. 1929 г. М., 2004. С. 630.

³¹ ГА ОО, ф. С-1.847, оп. 1, д. 1, л. 398.

³² ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-9.067, л. 249.

³³ Там же, л. 15, 16; д. П-27.001, л. 237.

³⁴ Там же, ф. 2, оп. 1, д. 328, л. 47.

³⁵ Там же, ф. 9353, оп. 2, д. П-27.001, л. 291, 293.

³⁶ Камков (Кац) Борис Давидович (1885–1938), один из организаторов левоэсеровского вооруженного выступления в Москве в июле 1918 г. Был осужден на 3 года заключения, после освобождения находился на хозяйственной работе. Расстрелян в годы «большого террора».

³⁷ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-9.067, л. 16.

³⁸ Воронежские сталинские списки... С. 185–186.

³⁹ ГА ОО, ф. 1847-с, оп. 1, д. 2, л. 609.

⁴⁰ *Михеев В.И.* Основные направления деятельности органов ГПУ–ОГПУ Центрального Черноземья в 1922–1934 годах. М., 2003. С. 199, 213.

⁴¹ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-26.422, т. 1, л. 1.

⁴² Там же, д. 9353, т. 2, л. 39.

⁴³ Там же, т. 1, л. 1.

⁴⁴ Некоторую пикантность чекистским репрессиям против анархистов придает тот факт, что заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода сам в 1907–1908 гг. принадлежал к этой партии и входил в нижегородскую организацию анархистов-коммунистов (ГА РФ, ф. 102.00. 1912, д. 5, ч. 70, л.Б, 26–27).

⁴⁵ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 22.625, л. 3.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности по противодействию бандитизму и повстанческим проявлениям в Центральном Черноземье в 1922–1934 годах. М., 2003. С. 162.

⁴⁸ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. 22.625, л. 2.

⁴⁹ Там же. л. 51.

⁵⁰ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 213.

⁵¹ Там же. С. 191, 208.

⁵² ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-18.171, л. 673, 669. В диссертации О.Л. Шашковой ошибочно указано, что у организации «Вольные крестьяне» не было лидера (*Шашкова О.Л.* Репрессивная политика государства в 1928–1939 гг. и ее последствия: на материалах Центрального Черноземья. Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2000. С. 104).

⁵³ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-18.171, л. 670.

⁵⁴ Исследователь истории органов госбезопасности в Центральной России аспирант Академии ФСБ В.И. Михеев, упоминая об этой организации, убирает в ее названии букву «ь», придавая более литературный вид народному названию (*Михеев В.И.* Основные направления... С. 206). Я же считаю необходимым сохранить историческое название в транскрипции народной фонетики, тем более что оно зафиксировано в документах, на печатях и штампах организации, которые сами по себе являются достаточно редким явлением, и заставляют бережно относиться ко всем проявлениям этой уникальной организации.

⁵⁵ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 5, л. 9–9 об.

⁵⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 7. С. 47.

⁵⁷ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 1, л. 9.

⁵⁸ См.: *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979. С. 162.

⁵⁹ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 5, л. 2.

⁶⁰ Там же, л. 26.

⁶¹ Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. М., 1998. С. 321.

⁶² ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 5, л. 25.

⁶³ Там же, л. 29.

⁶⁴ Там же, л. 16.

⁶⁵ Там же, т. 5, л. 254. В.И. Михеев утверждает, что организация не только готовилась, но и пыталась поднять восстание в Бобровском районе (*Михеев В.И.* Основные направления... С. 206). Однако материалами уголовного дела это не подтверждается.

⁶⁶ Некоторые черты деятельности Т.Р. Говорова – недопущение терактов, привлечение в организацию максимального количества крестьян, составление списков участников организации и сочувствующих, конспиративная деятельность – наводят на мысль о возможном сотрудничестве вождя «Правой оппортунизмы» с ОГПУ. Относительно мягкий приговор, побег из мест заключения и повторное создание подпольной организации также характерны для секретных сотрудников-провокаторов правоохранительных органов. Такому предположению не противоречат ни обращение вожака организации к уголовной деятельности, ни факт расстрела Говорова, поскольку органы ВЧК–ОГПУ–НКВД практиковали ликвидацию секретных сотрудников для решения оперативных задач (*Тепляков А.Г.* «Непроницаемые недра»: ВЧК–ОГПУ в Сибири. 1918–1929 гг. М., 2007. С. 77–89, 232–243).

⁶⁷ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-25.806, т. 1, л. 241.

⁶⁸ Там же, т. 5, л. 242.

⁶⁹ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 179.

⁷⁰ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-10.083, т. 9, л. 220.

⁷¹ *Ивницкий Н.А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М., 1994. С. 143–144.

⁷² Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 409.

⁷³ «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину... Т. 7. С. 132.

⁷⁴ *Ивницкий Н.А.* Указ. соч. С. 143–144.

⁷⁵ ЦДНИ ВО, ф. 9353, оп. 2, д. П-10.083, т. 9, л. 220.

⁷⁶ Голос народа... С. 302.

⁷⁷ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 179.

⁷⁸ *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности... С. 158, 168.

⁷⁹ Там же. С. 181.

⁸⁰ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 211.

⁸¹ Там же. С. 109.

⁸² Там же. С. 121–122.

⁸³ Там же. С. 313.

⁸⁴ Там же. С. 121–122.

⁸⁵ Там же. С. 130, 132, 140.

- ⁸⁶ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 200.
- ⁸⁷ Там же. С. 205, 217.
- ⁸⁸ Там же. С. 224, 227.
- ⁸⁹ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 313.
- ⁹⁰ Там же. С. 332.
- ⁹¹ Там же. С. 465–466.
- ⁹² Там же. С. 397.
- ⁹³ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 188–189.
- ⁹⁴ *Михеев В.И.* Деятельность органов безопасности... С. 157.
- ⁹⁵ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 226.
- ⁹⁶ Советская деревня глазами ВЧК–ОГПУ–НКВД... С. 330.
- ⁹⁷ Там же. С. 779–780.
- ⁹⁸ *Михеев В.И.* Основные направления... С. 192–193.
- ⁹⁹ Там же. С. 209.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 202.
- ¹⁰¹ Там же. С. 225, 227.
- ¹⁰² *Загоровский П.В.* Социально-политическое развитие сельского населения Центрально-Черноземного региона России во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х гг. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Воронеж, 1999. С. 27.
- ¹⁰³ *Грациози А.* Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне 1917–1933. М., 2001. С. 6, 72.
- ¹⁰⁴ *Хочешь мира, победи мятежевойну!* Творческое наследие Е.Э. Месснера. М., 2005. С. 132–194.
- ¹⁰⁵ *Viola L.* Reasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford, 1997.